

4 (42)

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
БРАТСТВ

ФЕВРАЛЬ
2006

в газете использованы
материалы сайта www.sfi.ru

ПОСРЕДСТВЕННОСТЬ ИСЦЕЛЯЕТСЯ ПОКАЯНИЕМ

Фото Евгения Фоминых

23 февраля братство «Сретение» встретилось с поэтом и мыслителем О.А. Седяковой, чтобы обсудить содержание ее публичной лекции «Посредственность как социальная опасность». Мы публикуем фрагменты этой встречи, которая продолжалась более трех часов и затронула самые разные вопросы, связанные так или иначе с обсуждаемой темой.

О.А. Седякова. Я очень рада тому, что мы опять встретились: в вашем кругу я нахожу самую внимательную аудиторию, людей, перед которыми мне очень интересно говорить, чей отклик важно услышать, где, наконец, можно говорить совершенно доверительно.

Текст моей лекции вам уже известен, так что повторять я его не буду, ограничусь только совсем небольшими дополнениями, которые я хотела сделать для нынешнего нашего собрания.

Само упоминание слова «посредственность» обычно людей пугает или

возмущает. Это болезненная тема. Насколько я знаю — во всяком случае, в среде людей, связанных с умственным и творческим трудом, — эта тема (серый я человек, или не серый? Наполеон я или тварь дрожащая?), как ни странно, для многих составляет главное мучение жизни. Они с ним живут до самой смерти и без конца выясняют: «гений я или нет?» И я знаю, что многие охотнее готовы признать себя плохими («Да, я очень дурной, я скверный человек»), но ни за что не скажут: «Я — посредственный, я бесталанный». Почему так случилось?

Продолжение на с.4-5

В номере:

Соборность или корпоративность?

В этом году одного из наших постоянных авторов, исповедника веры протоиерея Павла Адельгейма, пригласили на Рождественские чтения. В секции «Церковь и культура» его доклад был поставлен в программе первым. Но архиепископ Псковский и Великолукский Евсевий не дал своего разрешения на поездку о. Павла в Москву, и доклад так и не был прочитан... (с.6)

Сегодня среди авторов рубрики «Пустите детей приходить ко Мне...» (сс.7-8) свящ. Георгий Кочетков

«У нас есть, что сказать друг другу»,

Владимир Якунцев

«Христианское воспитание детей — это фактически их воцерковление»

и свящ. Иоанн Привалов

«Главное — освободиться от «параллельности» жизни взрослых и детей»

«Книжное обозрение» на с. 8 рассказывает о книге свящ. Владимира Вукашиновича

«Литургическое возрождение в XX веке»

и издании публичной лекции О.А. Седяковой

«Посредственность как социальная опасность»

В приложении «Миссионерское обозрение» вы встретитесь с одним из последователей свящ. Жака Лева и познакомитесь с обзором новостей

МЫ НЕ ВСЕГДА ПОНИМАЕМ, ЧТО У НАС БОГАТАЯ ТРАДИЦИЯ

Продолжение интервью с Кириллом и Татьяной Соллогубами (начало см в N 3(41))

Кирилл: Вопрос, который я хочу Вам задать, для нас очень важен. Ситуация в современной России такая, что мы оказываемся в некоей пустыне, когда все нужно начинать в какой-то мере с самого начала. Это ситуация разрыва традиции, когда перед нами два, а то и три поколения людей совершенно выпали из церкви, из православия. Надо сказать, что и из традиционной культуры тоже. Это очень трудно. Довольно распространенная сейчас ситуация: сначала в церковь приходят дети (дети, может быть, уже взрослые), а потом приводят своих родителей. Поэтому у нас даже не просто интерес к опыту русского зарубежья. Когда в организме не хватает витаминов или каких-то жизненно важных элементов, то он начинает их искать. Для нас этот опыт — наследие РСХД, матери Марии, о. Сергия Булгакова, Н. Бердяева важен именно для жизни, не просто для теории, а именно для жизни. Здесь уже почти не осталось людей старшего поколения, которые сохраняли веру, их было мало, поколение уже ушло. Поэтому нам очень важно, как это преемство, сохранение традиции, ее передача происходит у вас, в вашей ситуации. Ведь скорее всего это получается не автоматически. Всегда должен быть какой-то личный интерес, нужен человек, который бы этим интересовался. Я не буду лукавить, я знаю, что Вы стараетесь как-то встречаться со старшими людьми, что-то прояснять. Не могли бы Вы об этом рассказать?

Кирилл Соллогуб: С удовольствием, тем более, что я считаю, что для нас это очень важный вопрос. К сожалению, мы (особенно я могу говорить о положении движения) потеряли многое. Я один из

тех немногих, кто думает об этом. Я долго старался понять, почему произошел некий разрыв традиции. Думаю, из-за того, что постепенно во Францию люди начали говорить по-французски и забывать русский язык. Это произошло естественно, этого трудно избежать. Через два-три поколения молодые люди уже не говорили или плохо говорили по-русски. Было трудно читать богословскую литературу. И это было принято старшим поколе-

нием как некое отсутствие интереса к традиции.

Хотя это была всего лишь нормальная эволюция, поскольку мы ассимилировались во Францию. Но беда в том, что из-за того, что люди начали терять русский язык, старшее поколение решило, что молодых не интересует сущность.

Татьяна Соллогуб: А кто-то — немногие — думали, что сущность передается, но не через книги, не через слово.

Участники Съезда Совета РСХД в Буасси (июнь 1935 г.)

Продолжение на с.2

МЫ НЕ ВСЕГДА ПОНИМАЕМ, ЧТО У НАС БОГАТАЯ ТРАДИЦИЯ

(Продолжение. Начало на с.1)

Кирилл Соллогуб: На самом деле сущность передавалась, это безусловно. Например, мы в движении до сих пор живем этой традицией, но мы даже не всегда понимаем, что у нас богатая традиция.

Татьяна Соллогуб: И поэтому она постепенно испаряется.

Кирилл Соллогуб: Поэтому важно, чтобы люди поняли, что накоплен опыт, который надо передать, но на французском языке, а не на русском.

Доклад Г.В. Флоровского (съезд в Лоберже, 1931 г.)

Татьяна Соллогуб: Надо сказать, что вся эта традиция хранится в книгах, которые нужно читать. Эти книги написаны первым поколением, приехавшим за рубеж. Они были очень культурными людьми, а постепенно люди стали более нормальными (смеется). Наше поколение уже совсем нормальное. И для нашего поколения прочитать все эти книги — настоящая работа, большой труд. И почувствовать, понять, что это нужно, тоже нелегко.

Кирилл Соллогуб: Да, во-первых, нужно, чтобы люди это поняли. Некоторые это поняли. Во-вторых, я думаю, надо перевести как можно больше основных трудов наших богословов. Что-то уже было сделано. Слава Богу, переведены труды отца Сергея Булгакова, сочинений Бердяева тоже переведено очень много, даже в неправославных кругах его очень быстро перевели. И основной труд отца Николая Афанасьева тоже переведен, как раз усилиями отца Андрея Фирилласа.

Кирилл: Он переводил?

Кирилл Соллогуб: Он не переводил, но он очень настаивал на необходимости перевода и, думаю, уже в 70-х годах этот труд уже был издан по-французски.

Кирилл: А отца Сергея Булгакова, насколько я знаю, перевел князь Андронников?

Кирилл Соллогуб: По-моему, он единственный переводчик отца Сергея и он перевел практически все его творчество на французский. Это уникальная работа.

Кирилл: Тем более, он был великодушный переводчик.

Кирилл Соллогуб: Еще Константин Иессевич Андронников перевел «Евхаристию» Шмемана. Как Вы знаете, отец Александр написал этот труд по-русски, закончил его незадолго до смерти. Константин Андронников обещал отцу Александру его перевести и очень быстро YMCA-Press издала этот труд по-французски. Мне кажется, это надо продолжать. Я очень жалею, что Зеньковского совсем не перевели. Из-за этого, например, молодым людям моего поколения, которые уже совсем не говорят по-русски, это наследство недоступно.

Татьяна Соллогуб: Проблема еще в том, что во Франции очень распространено социальное действие. Это существует, конечно, прежде всего у католиков, но и у многих не католиков.

Кирилл: Это сильно мешает?

Кирилл Соллогуб: Люди думают, что скорее нужно действовать, чем думать.

Татьяна Соллогуб: И что думать — это даже немножко подозрительно.

Кирилл Соллогуб: Есть такая тенденция сейчас и в движении. Всегда был такой спор — еще при матери Марии. Всегда кто-то думал, что обязательно читать и быть в церкви, а кто-то — что скорее надо действовать, помогать ближнему. Хотя мне кажется, что важно и то, и другое.

Еще очень большую роль в том, что мы кое-что потеряли, сыграло то, что вдруг не стало таких крупных фигур, как раньше. Как передать духовное наследство? Это сложный вопрос. Мне кажется, что одним из

средств может быть пример старших. И этот пример существовал в движении до 70-х годов, а потом он как-то потерялся, потому что первое поколение совсем исчезло, а из второго поколения отец Александр Шмеман и отец Иоанн Мейендорф уехали в Соединенные Штаты. Они приезжали на съезды, но тем не менее их отъезд был большой потерей, нам во Франции не хватало таких харизматических лиц. Не хватает видных богословов. С этим связан некий распад Свято-Сергиев-

ского богословского института. Раньше Движение и институт были очень близки, сейчас это распалось. Раньше руководители Движения всегда учились в институте. Сейчас они уже не очень образованны.

Кирилл: Вы назвали два пути преодоления разрыва поколений. Первый — знакомить молодежь с богословскими трудами, переводить. Но всегда ведь нужен какой-то мотив, чтобы читать. Это действительно большая работа. Для Вас лично что стало таким мотивом?

Кирилл Соллогуб: Уже с детства нас воспитывали в этом духе. Для меня лично была очень важна встреча с Синдесмосом. Как вы знаете, РСХД всегда принимало очень активное участие в мероприятиях Синдесмоса. И когда мне было лет 18, мне вдруг сказали: ты должен ехать на мероприятие Синдесмоса, представлять там Движение, потом вернуться и рассказать. Для меня это была очень серьезная ответственность. И когда я очутился в международной православной среде, то понял, что у нас — особенный опыт, накопившийся в эмиграции. И тогда я начал интересоваться, что это за РСХД. И на этих мероприятиях люди многого ожидали от РСХД, от тех движений, которые находились в эмиграции, к этому опыту всегда был интерес. И когда я начал ездить в Россию, люди тоже с большим интересом расспрашивали. И тут я понял, что это действительно что-то особенное.

Татьяна Соллогуб: И начал ругать родителей.

Кирилл Соллогуб: И тогда я стал ругать родителей, почему они мне об этом не говорили, хотя воспитывали они меня именно в этом духе. Я очень поздно понял, что в нашей эмиграции и в нашей архиепископии что-то действительно особенное — когда принял участие в мероприятии Синдесмоса, где надо было отвечать, рассказывать, общаться. И тут я начал интересоваться историей. Я решил, что мне надо обязательно изучать богословие.

Кирилл: Все-таки через книжки?

Кирилл Соллогуб: Конечно, я совсем не против книг (смеется). Это моя любовь, моя страсть даже. Я начал заочно обучаться в институте, рыться в книгах, в архивах института.

Кирилл: А существует архив Движения?

Кирилл Соллогуб: В архиве Движения мало что осталось, но я стараюсь спасти то, что осталось. Еще есть люди, у которых есть очень интересные материалы. Главное — снова его собрать. Он был разбросан. И еще я начал как можно лучше изучать русский язык.

Кирилл: А когда Вы встречаетесь с людьми, делаете ли Вы какие-то записи?

Кирилл Соллогуб: Вообще у нас с некоторыми молодыми есть более широкий проект — постараться собрать архив русской эмиграции во Франции вообще, не только Движения или Института. Мы стараемся встречаться со старыми людьми и записывать разговоры с ними.

Кирилл: Не могли бы Вы рассказать о каких-то интересных встречах? Может быть, Вы открыли что-то интересное и важное для себя?

Кирилл Соллогуб: Мы много общались с отцом Борисом Бобринским и с его матушкой. У нас еще должны быть с ними встречи. У них остался архив Льва Александровича Зандера, не знаю, весь ли, потому что есть еще архив в Институте. Ему очень мало уделяют внимания.

Кирилл: Я слышал, что он не разобран.

Кирилл Соллогуб: Он существует, не пропал, это надо знать, это значит, что над ним еще надо много работать. Но такие люди, как отец Борис и его матушка готовы все рассказывать и очень удивляются, что молодые люди интересуются. Было такое недоразумение между поколениями. У нас еще не было такого разговора, который бы я записывал, с Никитой Алексеевичем и Марией Александровной Струве. Я очень жду этого разговора и готовлюсь к нему, читаю как можно больше, чтобы задать как можно больше вопросов — хороших и умных. Еще недавно я встречался с Ниной Константиновной Рауш, которая была помощницей отца Василия Зеньковского. Она одна из первых женщин, которая во Франции преподавала психологию в университете. Она преподавала психологию, очень увлекалась педагогикой. С ней был очень интересный разговор. Она очень откровенно говорила, почему движение ее спасло. Она с этого начала.

Кирилл: Почему?

Татьяна Соллогуб: Когда она начала учиться, тут же началась война, не было права на работу. Она долго жила в очень тяжелых условиях.

Кирилл Соллогуб: Благодаря общению в Движении она смогла найти работу, закончить учебу, нашла сильную поддержку и сделала очень хорошую академическую карьеру.

Так что я стараюсь встречаться со старшим поколением как можно больше.

Кирилл: А много ли людей, которые Вам помогают? Это большая группа?

Кирилл Соллогуб: Небольшая. Татьяна помогает. Еще этим занимается моя двоюродная сестра, она по образованию архивистка. Она хочет создать архив русской эмиграции вообще.

Кирилл: Конкуренция Русского Зарубежья в Москве? Там тоже собирается архив эмиграции. Они не взаимодействуют?

Кирилл Соллогуб: По-моему, нет. Она собрала 5-6-7 молодых. Они любого человека записывают и расспрашивают. Меня лично интересует Движение и Институт и должен сказать, что нас мало.

Кирилл: Вас подтолкнул к тому, чтобы заниматься этим, интерес к РСХД в т.ч. и в России. А сейчас то, что действительно есть такой интерес в России и к Движению, и к Институту, и к богословскому наследию, т.е. ко всему тому, чем Вы занимаетесь, — как Вы к этому относитесь?

Кирилл Соллогуб: Это здорово.

Кирилл: Или Вам тоже непонятно, как отцу Борису — что это вдруг?

Кирилл Соллогуб: Наоборот. Я считаю, что здесь, в вашем братстве, я нашел продолжение того, что началось у нас в эмиграции. К сожалению, такого продолжения нет в Париже на таком высоком уровне. Нам надо еще изучать все свое наследство. Например, Вы мне сказали, какая у Вас тема магистерской работы. Это очень важная тема. Я очень жалею, что в Париже в нашем институте нет таких исследований.

Кирилл: У нас этого тоже, может быть, меньше, чем хотелось бы. Если раньше было принято восторгаться Булгаковым, Бердяевым, но этот восторг был очень поверхностным («Ах, Бердяев! Ах, Булгаков!», говорили многие, может быть, их и не читая), то сейчас говорят: «Ну, Бердяев... Ну, Булгаков...» т.е. о них уже можно как будто и забыть. Поэтому то общество, которое складывается у нас таким чудесным образом, кажется мне очень обнадеживающим и взаимно обогащающим. Потому что даже для того, чтобы писать серьезные работы, надо иметь источники. В то же время для того, чтобы заниматься источниками, надо иметь вдохновение, надо понимать, что это кому-то нужно. Мне кажется, что это промыслительная встреча — что вы тут, что наше братство было в Париже.

Кирилл Соллогуб: Я тоже так думаю.

Кирилл: А Вас какие темы в богословском наследии РСХД и Института больше всего интересуют и привлекают?

Кирилл Соллогуб: Думаю, самый богатый вклад — это соборность. Все размышления о соборности, которые начались еще в России до революции и продолжались в эмиграции после революции, мы до сих пор можем чувствовать в нашей епархии. На каждом уровне структуры нашей епархии существует соборность: все участвуют, все считают себя ответственными за миссию Церкви.

Кирилл: И эта включенность всех реальна?

Кирилл Соллогуб: Да, это реально. Самое важное после соборности — это свобода. Я считаю, что церковь должна быть свободной, чтобы выполнять свою миссию. И наша епархия всегда старалась сохранять свободу и, кстати, до сих пор она должна бороться за ее сохранение.

Беседовал Александр БУРОВ

В СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКОМ ИНСТИТУТЕ ПРОШЛИ СРЕТЕНСКИЕ ЧТЕНИЯ

25 февраля 2006 г. в Свято-Филаретовском православно-христианском институте прошла 12-я студенческая конференция «Сретенские чтения». Такие конференции — традиционный ежегодный праздник студенческо-преподавательской корпорации СФИ, когда на суд слушателей представляются результаты исследовательской работы студентов. Кроме студентов СФИ в конференции этого года участвовали студенты других учебных заведений: Московской и Минской духовных академий, Белгородской духовной семинарии, ББИ св. ап. Андрея и ИФТИ св. Фомы Аквинского. Участие в конференции СФИ студентов других вузов в последние годы тоже стало традиционным.

Конференция открылась приветствием ректора и духовного попечителя Свято-Филаретовского института проф. — свящ. Георгия Кочеткова, который благословил работу конференции и пожелал участникам ничего не страшиться на их пути поиска Божьей истины, т.е. церковной правды и церковного предания, которые так дороги всем людям Церкви.

На пленарном заседании с докладами выступили студенты магистратуры. Доложенные материалы будущих магистерских диссертаций и результаты работы в спецсеминарах магистратуры представили целый спектр различных направлений богословия. О.В. Цкитишвили в своем докладе «Общение с Богом как мистическая встреча: условия и плоды (по

текстам синоптических Евангелий)» показала, каким образом мистический опыт отражен именно в синоптических евангелиях, хотя более привычно относить определения «духовное» и «мистическое» к евангелию от Иоанна. В выступлении З.М. Дашевской «Основные направления развития ходатайственной молитвы при совершении таинства Евхаристии» на основании анализа древних литургических текстов и классических анафор обсуждались некоторые тенденции в развитии главной литургической молитвы. Было показано, как с ослаблением эсхатологического ожидания и веры в общение святых главное ходатайство о соборности Церкви в молитве интерцессии было во многом вытеснено множественными прошением о различных сторонах жизни церкви. Доклад О.В. Сушковой «О длительности катехизации в некоторых современных западных христианских церквах» представлял собой очерк о современном опыте катехизации различных (преимущественно протестантских) христианских деноминаций Европы и Америки. Из представленных материалов было хорошо видно, что церкви сталкиваются со сходными проблемами в этой сфере, и поэтому сегодня остро необходимы соборное собрание, анализ и отбор опыта оглашения.

После пленарного заседания, как обычно, работали четыре секции по кафедрам СФИ, на которых прозвучало около сорока сообщений на различные

темы. Представленные доклады не только заслушивались, но и активно обсуждались. Живая дискуссия на секциях показала, что студенты соотносят исследуемые темы с собственным опытом и христианской жизнью, с теми вопросами, которые встают перед их общинами и братствами.

Возможность конструктивного обсуждения актуальных церковных вопросов, которые порой не имеют очевидного решения, пусть даже на студенческом уровне, — обсуждения в духе подлинного христианского общения и научной заинтересованности, должна послужить залогом формирования поля сотрудничества тех людей, которые хотят ответственно и церковно послужить возрождению и обновлению жизни церкви. Всего в конференции приняло участие свыше ста человек.

Лариса МУСИНА

АРХИЕПИСКОП АЛБАНСКИЙ АНАСТАСИЙ ВЫСТУПИЛ НА ОТКРЫТИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ВСЦ

Порту-Алегри, 16 февраля («Церковный вестник» для «Благовестинфо»). На торжественной церемонии открытия IX Генеральной ассамблеи Всемирного совета Церквей 14 февраля предстоятель Албанской Православной Церкви архиепископ Анастасий (Яннулатос) обратился к участникам и гостям ассамблеи с проповедью.

Он предложил богословский комментарий к словам, которые были избраны девизом IX ассамблеи — «Боже, Твоей благодатью преобрази этот мир». Предстоятель Албанской Церкви увидел в этих словах молитвенное обращение, «если угодно, мистический крик, который обнажает глубину нашей слабости и наше напряженное ожидание».

«Эти слова — современная вариация на тему той молитвы, которую Сам Господь вложил в наши уста: «...да придет царствие Твое, да будет воля Твоя яко на небеси и на земли». Этим мы признаем, что для преобразования мира наших человеческих мыслей, идей, способностей недостаточно. В то же время мы убеждены, что Господь, в Котором мы полагаем нашу надежду, не безразличен к человеческой истории», — подчеркнул архиепископ Анастасий и предложил яркий, глубокий анализ понятий «благодать» и «преобразование» в перспективе тринитарного богословия и православной христологии.

Рассматривая девиз ассамблеи в перспективе христианской антропологии, архиепископ Анастасий говорил о том, что христиане «не зрители божественных действий, но соратники», и это прямое следствие Боговоплощения. «Каждый из нас, кто принадлежит Христу, имеет и привилегию, и обязанность активно участвовать в преобразении мира», — убежден архиепископ Анастасий.

Преобразование мира начинается с нас самих, и жизнь во Христе, к которой призван каждый христианин, предполагает «обновление ума», покаяние. «Духовная брань за внутреннее преобразование, в согласии с примером Самого Христа, совершается в Церкви, — отметил архиепископ Анастасий. — Однако мы не можем стать закрытым сообществом «спасенных», изолировав себя от тех событий, которые происходят на нашей планете. Наша ответственность простирается на всю вселенную».

Далее предстоятель Албанской Церкви дал нравственную оценку тех проблем, которые будут в центре внимания участников ассамблеи: миротворчества, бедности и насилия. «Поскольку наша ассамблея проходит в Латинской Америке, вопросы бедности должны получить абсолютный приоритет для всех нас, поклоняющихся Христу и следующих за Ним, — убежден архиепископ Анастасий. — В лицах всех нищих, голодных, беженцев мы должны увидеть лик Христа».

Говоря о вспышках насилия, сотрясающего сегодня многие страны, предстоятель Албанской Церкви, который за многолетние миротворческие усилия и служение примирения на Балканах был номинирован на Нобелевскую премию мира, подчеркнул, что «агрессия прячется в каждом человеческом сердце». «В мольбах о преобразении мира, давайте примем твердое решение силою Святого Духа бороться с проявлениями насилия везде, где только возможно: в наших семьях и в обществе, в политике и в международной жизни».

Говоря о нравственном облике современного мира, архиепископ Анастасий подчеркнул: «То, как Христос пришел в наш мир, не перестает удивлять. Земная жизнь Спасителя и Его проповедь являют духовную силу смирения». Однако пути развития современного общества полностью противоречат духу Христова смирения. «Обычно больше всего привлекает внимание то, что производит самое сильное впечатление, и это связано

с очарованием, деньгами и иллюзиями, — считает архиепископ Анастасий. — Даже в церковных кругах, несмотря на частые разговоры о смирении и подобных вещах, мышление людей и их поведение часто основаны на гордости и высокомерии... Но подлинное свидетельство о Церкви в течение столетий несут те, кто в глубоком смирении посвятил себя Богу... Поэтому, когда мы молимся: «Боже, Твоей благодатью преобрази этот мир», давайте не будем упускать из вида, что Божью благодать привлекает смирение. Смирение как образ жизни питает нашу мысль и наше творчество».

Преобразить наш мир может только жертвенная любовь, и фундаментальная миссия Церкви являть Божественную любовь здесь и сейчас, в каждый момент и в каждом месте, где есть Церковь. И это есть главный вклад в преобразование мира, убежден архиепископ Анастасий.

В совместной молитве, посвященной открытию ассамблеи, приняли участие представители всех поместных Православных Церквей, епископы, священники и миряне, за исключением духовенства Русской Православной Церкви. Примечательно, что епископы Болгарской Православной Церкви, формально вышедшей из ВСЦ, прибыли на ассамблею в качестве наблюдателей и также участвовали в совместной молитве.

Прежде всего это говорит о том, что характер совместной молитвы в соответствии с требованиями Православных Церквей значительно изменен. Вместе с чтениями из Священного Писания, ее основу составляют песнопения и молитвы, не вступающие в острый конфликт с православной традицией. Центром поклонения были крест и православные иконы. Все символические действия, позволяющие двусмысленные толкования, были исключены из молитвенного последования. Председателем богослужения комиссии ассамблеи является митрополит Герман (Вселенский патриархат).

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА МАРФО-МАРИИНСКОЙ ОБИТЕЛИ ОСВОБОЖДЕНА ОТ ДОЛЖНОСТИ

Указом Святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия II от 2 февраля 2006 г. монахиня Елизавета (Крюкова) освобождена от должности настоятельницы Марфо-Мариинской обители. Другим указом от 2 февраля на должность и.о. настоятельницы этой обители назначена Н.А. Молибога.

Официальный сайт Московской Патриархии сопроводил сообщение об этом событии следующим заявлением:

«В некоторых светских изданиях появились публикации, авторы которых описывали эти события либо не имея достоверной информации о положении дел в обители, либо изначально ставя цель очернить Церковь и раздуть околоцерковный скандал.

Решение Святейшего патриарха освободить от должности бывшую настоятельницу обители не было спонтанным, ему предшествовала многомесячная работа дисциплинарной комиссии Московской Патриархии, обнаружившей в обители многочисленные нарушения различного характера.

Спекуляции на эту тему и лживые публикации в некоторых СМИ содержат множество клеветнических домыслов, порочащих всю Православную Церковь. Журналистам, освещающим события в Марфо-Мариинской обители, следует осознавать ответственность за свои высказывания и обобщения, которые нередко строятся на обмане и вводят в заблуждение читателей».

Судя по всему, в первую очередь в заявлении имеются в виду статьи С. Бычкова, опубликованные в газете «Московский комсомолец». В этих статьях, в частности, говорится:

«На прошлой неделе архиепископ Орехово-Зуевский Алексей (Фролов) предъявил матушке указ патриарха о смещении ее с должности игуменьи. После этого ее госпитализировали. С указом не ознакомили совет сестер, вместе с которым трудилась игуменья. На просьбу прокомментировать случившееся г-жа Молибога ответила: «Игуменья уволена. Владыка Алексий запретил мне общаться с журналистами».

Исчезает оргтехника, компьютеры, практически разогнан детский приют, в котором проживало около 60 детей. В Ново-Спаский монастырь, где находится резиденция епископа Орехово-Зуевского Алексия (Фролова), перегазан автобус, отозванный детей на занятия. Это неудивительно, Наталья Молибога и ее супруг — люди, особо приближенные к епископу Алексею.

В самой обители всю готовит приватизация трех каменных зданий. Из храма на Варварке, который был приписан к обители, уволены священник Валентин и диакон Евгений, верные сподвижники матушки Елизаветы. Возникает ощущение, что епископы Алексий и Арсений спешат к приезду патриарха разогнать сестер обители, детский приют, в котором осталось не больше 10 детей».

Марфо-Мариинская обитель

была основана в 1908 преподобномученицей Великой княгиней Елисаветой Федоровной. Главной целью обители была благотворительная помощь больным и бедным мирянам. Имела бесплатные больницы (в годы Первой мировой войны — лазарет), амбулаторию, аптеку, столовую. В обители действовали курсы сестер милосердия, воскресная школа, детский дом, библиотека. В начале 1918 г. Великая княгиня Елисавета Федоровна была выслана, вначале в Екатеринбург, затем в Алапаевск, где была сброшена живой в шахту вместе с другими членами царской семьи.

В 1926 г. обитель была закрыта, в её помещениях размещались клуб, поликлиника, Всероссийский художественный научно-реставрационный центр им Н. Э. Грабаря. В 1992 возрождено сестричество и возобновлены богослужения, в 1995 — вновь открыта обитель, при ней создан приют-пансион для девочек-сирот, благотворительная столовая, патронажная служба.

ПОСРЕДСТВЕННОСТЬ ИСЦЕЛЯЕТСЯ ПОКАЯНИЕМ

Из материалов встречи поэта Ольги Седаковой с братством «Сретение»

(Продолжение. Начало на с. 1)

Видимо, это тема не только нашего времени — герои Достоевского этим постоянно мучаются. Заметим, что героям его современника, Льва Николаевича Толстого, эта тема абсолютно неинтересна. И, по моему, неслучайно: мир Толстого располагается в традиционном обществе. А эта тема — новая, она явно социального, исторического происхождения. Она возникает в определенный момент, в тот самый, который уловил Достоевский, и который остался почти в стороне от внимания Толстого. Это момент, когда появляется на сцене «новый человек», «парвеню»: человек «беспочвенный», утративший связи с прошлым, не приобретающий новых, и ему, как никогда прежде, требуется самому «себя создавать» (self-made man) и прежде всего — удостовериться в собственной реальности. А когда он будет — в собственных глазах — реален? Когда он будет что-то значить, когда он будет значительным человеком, из ряда вон, а не посредственностью. Понятно, что ни крестьянам, ни аристократам — героям Толстого — такое самоутверждение «на голой земле» ни к чему. Они и так с несомненностью для себя есть. Но героем новейшей цивилизации (не только российской,

Фото Кирилла Мозгова

но всемирной) стал именно этот «новый человек», впервые описанный Достоевским. Не всегда, конечно, он такой невротик...

В это же время — нет, пораньше — в романтическом искусстве поднимается его вечная тема: поединки таланта и обывателя, Гения и Толпы. Без этого поединка романтизм просто немислим. И здесь мне, признаться, с детства хотелось стать скорее на сторону обывателя. В него метали такие молнии! Я думала: «За что же так нападают на этого несчастного обывателя? Чем он так плох, почему он не дает им жить?» И претензии Гения к Толпе мне не казались убедительными — вплоть до известных стихов Цветаевой: «Вас положат на обеденный, а меня на письменный» (я замечала при этом, что Марина Ивановна еще, видно, неплохо жила: у нее было два стола. Она не представляла себе быта, где один и тот же стол был и обеденным, и письменным). В общем, я ни этого романтического конфликта, ни этой внутренней болезни (гений я или серость?) не понимала, это не мой личный опыт. То описание «безличного человека», которое мы узнали из сочинений экзистенциалистов, с нашими соотечественниками и современниками было трудно сравнить. Так что к этой теме я пришла не из биографического опыта.

Я думала о другом: об общем смысле искусства. А именно: об отношениях искусства, веры и морали, о том, что искусство, как правило, в позднейшие времена и тому, и другому противопоставляют — по разным признакам. Особенно, конечно, морали. В лекции, которую вы читали, я ссылаясь на уже, можно сказать, классическую работу Жоржа Батая «Искусство и зло»: искусство, по Батаю, и есть необходимый человеку опыт зла, который «в жизни» мораль ему запрещает осуществить. Я думаю, Батай изначально не совсем точен — даже относительно тех образцов, которые он разбирает: не опыт запретного зла нам так необходим, а опыт риска, который мы действительно знаем с детских игр. Помните такую игру: «Гуси-лебеди домой, серый волк под горой!». Все должны перебежать опасную зону, где «серый волк» может поймать. Зачем это устраивается? Ведь никто в этой игре не выигрывает, лучший результат — суметь миновать ее и уберечься.

Инсценируется опасная ситуация, провоцируется прямая встреча с опасностью, которую человеку почему-то сладостно переживать, от детских игр до пушкинского: «Есть наслаждение в бою И бездны мрачной на краю» — и дальше, до маскультурных «камер ужаса». С этой потребностью искусство несомненно имеет связь, но это еще не потребность в зле как таковом. Ведь не только зло может переживаться как ужас и опасность: вспомните первое явление Любви, Амора в «Новой Жизни» Данте. «В огненном облаке, ужасный для любого, кто посмотрит на него, и исполненный в себе такой радостью, что это дивило». А это уж ничуть не зло. И дальше: «Я сказал моему другу такие слова: я ступил в ту область жизни, куда не входят, если хотя бы вернуться».

Но мне хотелось не только «оправдать» искусство перед моралистами и аморалистами. Мне хотелось сказать, что оно, собственно говоря, не мирит человека со злом, а наоборот: расширяет представление о зле, рассматривая такие вещи, о которых расхожая мораль и, к сожалению, часто и религиозная проповедническая мораль просто не знают, на которые не обращают внимания, и не видят в них никакого особенного зла или греха. Или даже не зла — а неполноты.

Вот пример: две героини «Войны и мира» — юная Наташа Ростова и княжна Марья. Сколько я ни встречала серьезных духовных людей, они предпочитали княжну Марью: вот самый положительный образ. Но в иерархии романа это не так! Вершина человека для Толстого этой эпохи — Наташа. Чуткий читатель не может этого не видеть! Княжна Марья набожна, добродетельна, она читает, она размышляет о высоком, у нее «лучистые глаза» (и «тяжелая походка»), но для Толстого не это важно. Сама живая жизнь — это Наташа. И в ее близости княжне Марье явно чего-то не хватает, что-то в ней не совсем «хорошо». Интересно, что этого моралист не чувствует, этого проповедник не чувствует — а что, собственно, отличает Наташу от княжны Марьи. «Совсем жизнь» от «не совсем жизни». В княжне Марье есть все известные приметы «благочестивой души», в Наташе их вовсе нет. Но художник видит не приметы, он не «сличает» реальность с известной схемой: он видит ее «как впервые». И в этом один из уроков искусства, если считать, что искусство — это моральный урок. А я так считаю, хотя в другом смысле, чем это принято: естественно, художник учит не азбуке морали (этому учит плохое дидактическое искусство) он учит, прежде всего, тому, что называется жизнью, прямой встрече с жизнью, даже не встрече, а принадлежности ей — той безотчетной принадлежности, которой как раз обладает юная Наташа, в чем все ее всеохватительное обаяние. Потом эту толстовскую тему во многом продолжал Борис Леонидович Пастернак: «И нужно ни единой долькой Не отступиться от лица. Но быть живым, живым и только, /Живым и только до конца».

Я думаю, что это задание, между прочим, и моральное, и духовное. Что исполнения какие-то — пускай прекрасные — правила, требуется при этом «ни единой долькой не отступиться от лица»; что отказ от этих «долек» в последнем счете к хорошему не приведет. И, в конце концов, породит ту силу, которую так хорошо всегда чувствовало искусство, хотя оно не могло представить, что этот его смертный противник, посредственность превратившуюся в такую страшную социальную реальность, как это случилось в XX в. Об этом я и писала, ссылаясь на Дитриха Бонхёффера, который узнал это лицо в фашизме — лицо посредственности, лицо так называемого «маленького человека» (не буду повторять того, что имеется здесь в виду под «маленьким человеком»).

XX век показал, что это действительно нешуточная опасность. Человек тоталитарного режима, «новый человек», которого по-разному воспеывали в Германии и у нас, — это и был тот самый человек, чьи свойства я пыталась только начерно отметить. И теперь, в XXI в., когда классическому тоталитаризму вроде бы пришел конец, главным лицом новой цивилизации опять становится «маленький человек» — такой, которого нужно шадить от чрезмерных умственных и душевных нагрузок, не задевать его самолюбия, развлекать его. Для него работает вся индустрия развлечения, вся планетарная фабрика потребления. Описывая эту — как будто исходящую из гуманных мотивов — ситуацию, я обратилась к помощи Жоржа Бернаноса, известного католического романиста (вы, может быть, читали его роман «Дневник сельского священника»), социального мыслителя. Недавно во Франции издали его последние лекции, с которые он выступал уже в послевоенные годы, 46–48. Страстные предупреждения о новой опасности (при этом дело происходит в Европе, переживающей эйфорию победы над фашизмом!). Бернанос предупреждает: настоящей победы не произошло. Тоталитаризм просто меняет форму. Эти лекции — попытка показать, какую именно форму принимает тоталитарное искажение самой идеи человека. Заглавие этой книги, как говорит Бернанос, цитата «зна-

менитого выражения Ленина». Я не припомню, где Ленин это сказал. В обратном переводе на русский это звучит так: «Свобода, а на что она?» Возможно, в оригинале, т.е. у Ленина, сказано еще грубее, не знаю. Это даже не отрицание свободы, а простое недоумение: а на что она вообще? Что с ней делать? Вот это Бернанос и считает самым страшным и новым явлением — не борьбу со свободой, как бывало в истории много раз, а абсолютное безразличие к ней как к вещи ничтожной и бесполезной. Здесь он видит конец христианской цивилизации. Эта книга у нас не переведена, она недавно издана и очень живо обсуждается в современной Франции. Когда массовое общество обнаруживает свои пугающие черты, тревога Бернаноса, которую в свое время сочли преувеличенной и горячечной, представляется пророческой. Так это и обозначено на обложке.

Для образцового гражданина тоталитарного общества Бернанос придумал два французских слова, которым трудно найти русское соответствие. Одно слово, dire, я бы перевела как «олух» (вспоминая Пушкина: «...И мало горя мне, свободно ли печатать Морочит олухов»). В позднем Средневековье был такой календарный праздник — День Дураков, День Олухов: не просто глупцов, а задуренных, одурченных людей. Как Бонхёффер заметил, что быть глупыми в гитлеровское время было выгодно, так и Бернанос говорит: олухами быть выгодно и в «демократическое время». Те, кого дурачат, паразитируют на том, что их дурачат, и сами в свою очередь становятся теми, кто дурачит. Новый «маленький человек» большой цивилизации всегда может сказать: «Откуда я мог знать? Я ничего не знал. Меня так информировали». Он всегда готов быть одурченным, он по существу хочет этого.

С другой стороны, Бернанос называет этого «нового человека» словом lasche, которое можно перевести как «малодушный», «трус». Тоталитаризм — общество трусов. Бернанос знает при этом, что в каких-то отношениях этот человек, напротив, — герой: герой войны, герой труда. Трус он только в том, что касается его собственной внутренней жизни. От встречи с ней он готов бежать куда угодно. И «демократическая» цивилизация (которую Бернанос называет «конспиративным заговором против внутренней жизни») дает ему для этого множество возможностей. Малодушие — одно из свойств того, что я назвала посредственностью. В иные времена малодушие почиталось позором. Новое общество легитимизировало его. Надежность, безопасность стали главными словами современной цивилизации, озабоченной созданием максимальной safety, security. Наш опыт особенно ясно показывает, к чему ведет эта возделенная «безопасность», особенно когда к ней добавляется эпитет «государственная» (а теперь еще есть и «духовная безопасность!») — именно она становится источником крайней опасности для всех членов общества без исключения. Бернанос, который еще не знал про такую (государственную, духовную) безопасность, говорит тем не менее: как только человек захочет отдать правду или свободу за безопасность, он потеряет и то, и другое, а уж безопасности-то он лишится в высшей степени.

Именно сосредоточенность на «удобстве» (comfort) и «безопасности» (security) делает ненужной — и даже крайне нежелательной — свободу. Бернанос исходит из того, что ценность Европы, ценность христианской цивилизации, то, что мы можем предъявить при встрече с любой другой традицией — это наша свобода. Иначе он называет ее «легкостью»: «Наши враги упрекали нас в легкости и легкомыслии. Нельзя сказать, чтобы они были неправы, да, мы всегда были легки, и нашей легкостью был — Он. Утратив Его, мы вместе с Ним утратили легкость — или лучше сказать, это Он нас утратил вместе с ней».

И вот тяжелый, отяжелевший человек, целиком погрязший в своих обстоятельствах (которые, как известно, «сильнее нас») впадает в какое-то абсолютное рабство — уже не государственное, не политическое, а экономическое, потому что главный тиран нового общества — это экономика. Современный человек скажет на это (поскольку он давно уже стихийный марксист, если этого и не сознает), что экономические законы действовали всегда, и всегда были определяющими. Каждый, кто хоть немного знаком с культурной историей, знает, что это не так. Символика бывала важнее. Многие другие бывало важнее. Сам Маркс еще изымал творчество из области действия рынка, говоря, что здесь обыкновенное ценообразование не действует. Это уже неомарксисты вроде Бузьве отправили и творчество, и мысль на рынок. Теперь сделать что-то «для денег» оказывается достаточным оправданием: «А я это ради денег сделал, просто за это платят, все в порядке». Бернанос говорит, что новая экономическая диктатура крепче любой другой, и человеческий тип, который он создает, еще страшнее, чем уже известные Олухи или Малодушные старого тоталитаризма.

На Западе, быть может, только христианские мыслители: Бернанос, Бонхёффер так ясно видят истори-

ческую ситуацию. Философы «секулярного настроения», когда анализируют скандал нацизма или коммунизма, теряются, делают случайные выводы, из которых происходят и ложные рецепты того, как от этого избавляться. Они не находят героя этой катастрофы — «маленького человека», человека с отсеченной духовно-умственной сферой, состоящего из «одних рук», освобожденного от душевного труда.

Мне пришлось последние пятнадцать лет много ездить по свету и наблюдать, как это господство «маленького человека» там разрастается и догоняет нас. То, что было у нас при «реальном социализме», вы теперь можете увидеть, например, в свободной Франции, где вам объяснят, что «для простого человека это слишком сложно», «простой человек не поймет» и т.д. «Простого человека» растят и лелеют, его нельзя задеть, его нельзя перегружать. Видят ли они, куда это все ведет? Сергей Сергеевич Аверинцев пытался поделиться в Европе нашим опытом — но, боюсь, безуспешно. Спекуляция на понижении человека, как спрут, проникает куда угодно. Однажды мы были вместе с ним на Радио Ватикан — после того как мне дали премию, и этому должна была быть посвящена передача. Редактор спокойно объяснил нам свой план: «Вы поговорите, как все это было, а стихов не надо читать, наш слушатель этого не поймет, для него слишком сложно». Тут Аверинцев стукнул кулаком по столу: «Я это слышал всю жизнь, и я не хочу этого слышать здесь. В таком случае я вам ни слова не скажу: мы приехали поздравить Ольгу Александровну, собрались ради ее стихов, а вы хотите другого». В общем, он повел себя «по-разбойнически» (как с ним иногда бывало) и напугал всех. Тогда редактор сказал: «Нет-нет, что Вы, пожалуйста, читайте стихи...».

Но откуда берется сама эта идея, что, во-первых, этот «маленький человек» ничего не поймет, не нужно даже и пробовать, а во-вторых, что, если он увидит, что он чего-то не понимает, то это его ужасно обидит и обозлит? А вдруг да — восхитит и возвысит? Я, дескать, так не могу — но кто-то может, и он тоже человек, и мы принадлежим роду людскому, который способен на такие вещи...

Еще один источник моих размышлений — это то, как у нас в 90-е годы осуществлялась попытка осмыслить наше тоталитарное прошлое. По существу, она пародировала германский послевоенный опыт. Как-то быстро и единодушно решили, что виной всему был какой-то максимализм, романтизм, идеализм (одним словом, «большой человек») — и что идти от этого нужно к индивидуализму, практицизму, рационализму, утилитаризму (то есть, к безопасному «маленькому человеку»). Это и заставило меня задуматься: а кто на самом деле опаснее?

И последнее, что я скажу в качестве вступления. Поскольку моя лекция в Архангельске была обращена к городской, светской аудитории, я совершенно не касалась темы «посредственность и церковь». Бернанос говорит и об этом, об этом говорит Бонхёффер. Это, конечно, удивительная вещь: именно посредственность очень часто оказывается в представлении людей обличена с «образцовой церковностью». Для многих человек посредственный и человек церковный — это одно и то же. Вот уж кто, по мнению многих, и боится свободы, и готов сказать «а на что она?» На что она, если мы знаем путь спасения? И впечатление это, увы, не беспочвенно. Об этом Бернанос говорит в своем докладе «Наши друзья святые»: «Множеству благочестивых людей представляется, что церковь — это приют, тихая безопасная пристань, своего рода духовный пансион, в окна которого можно с удовольствием наблюдать, как другие, внешние люди, у которых нет здесь пансиона, бредут по грязи. Внешних людей возмущает эта уверенность посредственных христиан, их ощущение собственной безопасности, очень напоминающее легендарную уверенность Олухов — очевидно потому, что это то же самое». «Но при искреннем возмущении внешних людей, — говорит дальше Бернанос, — нужно признать, что они часто пользуются нашей посредственностью только для оправдания собственной». Дальше он выражает свое, я думаю, совершенно каноническое представление о том, что вера — это вовсе не «безопасность», во всяком случае, в расхожем смысле этого слова. В каком-то другом смысле, да, но совсем не в таком, который выражается словами: «Вот теперь я наверняка спасен, все в порядке, нужно только все правильно делать: а что делать, мы знаем». Из-за таких очень распространенных настроений с «религией», «благочестием» у других людей накрепко связывается элемент самодовольства, «общий для всех кретинов, — замечает Бернанос, — верующие они или нет». Так что эта тема, «посредственность и традиционное церковное христианство», очень существенна. Как получилось, что «смирненным» именуется тот самый «маленький человек», которому ничего не надо, кроме своего маленького «спасения»? И почему этот тип связан для окружающего мира с церковностью? Трудно понять. Ведь ничего более безумного для посредственности, чем Евангельские слова, ничего более неподходящего невозможно представить.

Да, обсуждая посредственность, мы говорим о теве мире, и такой разговор утомляет. Чтобы дать другую, «солнечную» перспективу, я опять воспользуюсь Бернаносом, его последней лекцией «Наши друзья святые». Церковная посредственность, по Бернаносу, есть забвение святости. Если кто в высшей мере не посредственность, говорит он с полной уверенностью, — так это святые. Почему? «Эти великие жизни

больше, чем кто-нибудь еще, уходят из-под действия какого-то ни было детерминизма. Они лучатся, они сияют сверкающей свободой». Той самой свободой, главным врагом которой является посредственность — большим врагом, чем даже в традиционном смысле порочный человек. Как мы знаем из Евангелия, мытарю и блуднице нужна свобода. Посредственности она не нужна.

Свящ. Георгий Кочетков. Большое спасибо. Я сейчас слушал и удивлялся, как всегда это сходится в одну точку. Мы совсем недавно на нашей Сретенской встрече, обсуждая тему предстоящего года для всего нашего Содружества братств, взяли тему свободы. И выразили ее словами епископа Таврического Михаила (Грибановского), выдающегося, как многие из нас верят — святого человека, хотя формально и не канонизированного до сих пор. Цитата звучит так: «Устремим всю свободу сердца и ума на дарованную нам благодать возрождения». Эта тема, тема внутренней свободы, которая противостоит всякому ханжеству, всякой духовной пошлости и т.д. — чрезвычайно важна.

Я вспоминаю в связи с этим многое — и фильм Ни-

наверняка не раскрыто, очень многих людей мы, наши предки и, наверное, потомки не успеют заставить вступить в общение. Задача едва ли неисчерпаемая, но кажется, что какой-то ответ на вызов, в том числе коренится еще и в этом, в том, чтобы эта красота разных миров и разных эпох могла прилагаться друг к другу, и чтобы это становилось ясным не только через посредников, которые, конечно, мужественные люди, но их просто не хватит, если им надо будет каждый раз продлевать все более сложный путь. Как-то надо это все приводить в общение. Но я, наверное, не вопрос задаю, а прошу отреагировать, если это возможно.

О.А. Седакова. Мне очень нравится ваша интерпретация, речь действительно идет о какой-то простоте — и еще о том, почему этой простоте так боятся. Вероятно, потому что есть некая презумпция, подозрение, что все в своем «настоящем виде» очень плохо, и если человек позволит себе быть непосредственным, то тут все такое увидят!... Антропологический, космический пессимизм. И вот поэтому нас так радует, между прочим, когда мы видим человека или — чаще — маленького ребенка, совершенно искренне, «от себя лично» де-

коса Казандзакиса «Последнее искушение Христа», и, наверное, знакомые вам стихи Александра Величанского, посвященные Кьеркегору: «спасение безопасно», — сказал суровый пастор». Вот это — самочувствие многих христиан: что спасение безопасно, что все уже сделано (типологически это вроде бы протестантская мысль, но реально она, конечно, внеконфессиональна, она заражает всех). Более того, люди ищут такого Евангелия и такого христианства. Их не очень устраивает другое. И еще я вспоминаю целый ряд людей, которые принципиально уходили из нашего братства. Были разные, у каждого свои индивидуальные нюансы, но главным лейтмотивом было всегда одно и то же: «Зачем нас все время призывают куда-то расти? Надо снизойти к нам. Мы же простые маленькие люди». На этом же настаивают многие люди, имеющие определенное влияние в церкви. И отсюда идет безответственность за церковную жизнь. Как-то один священник сказал одному из наших братьев: «Вы куда лезете? Церковь и церковные дела, и тем более проблемы — это не ваше дело, это наше дело. Ваше дело — работа и семья, и все. Вот это мирянское дело». То, о чем Вы говорите, и что мы помним по недавним временам, это светская история, а тут история внутрицерковная.

Д. М. Гезин. Посредственность — это качество очень сложно устроенного человека, которому трудно и неохота поэтому добираться до своего основания, и общаться поэтому очень сложно, и вообще как-то себя растрясти, разгрузиться от нагромождения всевозможных слоев, причем еще вдобавок и перемешанных невероятным образом, очень трудно. И, конечно, поэтому устранение этого качества — посредственности — связано с освобождением в пользу той простоты, которая изначально, потому что все настоящее в этом мире удивительно просто. Поэтому до него, до этого настоящего очень сложно докапываться. Надо ведь заставить это простое звучать так, чтобы оно явило свою первоизданную ясность. Господь являет предельно простые вещи, потому Евангелие так рискованно просто написано, устроено, но довольно таки сложно исполняется. Как Вам кажется, нельзя ли трактовать нашу задачу в этом мире, который с каждым годом, с каждым веком становится все более обременен своей историей (в этом смысле его сложность, прошу прощения за невольный каламбур, усложняется, а простота теряется из виду) как стремление заставить эту простоту максимально возможным многообразием? Чтобы (это мечта Рикёра, недавно почившего) периодически открывались Елисейские поля, на которых на самом деле встречаются мудрецы всех веков и оживленно беседуют, общаются. Вот, чтобы это было не только там, а здесь, причем ведь очень многое в этом смысле еще

лающего хорошее. Когда, например, ребенок тащит тебе цветок и дарит не потому, что его учили, что дарить хорошо. Спонтанное проявление благой природы. И вот для начала нужно надеяться, что эта благой природа есть внутри, а не бояться, что сейчас обнажатся какие-то ужасные гены, какое-то inferнальное подсознательное, так будем же затыкать эту черную дыру всеми видами сложности. Бернанос назвал нынешнюю цивилизацию «цивилизацией вытесненного отчаяния» — вытесненного, но отнюдь не побежденного надеждой. Да, где просто — как в пословице говорится — там ангелов до ста.

Свящ. Георгий Кочетков. Ну вот, дорогие братья и сестры, наша встреча подходит к концу. Я наверняка знаю, что есть еще желающие что-то сказать, что беседа могла бы вестись до утра и даже больше, и это совершенно нормально. Я думаю, что в таких случаях не надо ставить точку. Пусть у кого-то останется много-много, у кого-то точка с запятой — у кого что. Но в любом случае нам, наверное, будет интересно вспоминать этот разговор, его как-то продолжать внутри себя, и в этом может быть его главная польза, чтобы такие встречи продолжали жить. Если Бог даст, мы встретимся с Ольгой Александровной еще в будущем.

Я очень рад, что закончился наш сегодняшний вечер именно словами о надежде. Да, не всегда надо сразу говорить о любви — до любви надо иногда, как ни странно, дорасти. Иногда она бывает истоком всего, а иногда уже каким-то плодом нашей внутренней жизни. И вот надежда, как способность человека опереться на что-то внутреннее, на то, что вера только предвидит, по-моему, чрезвычайно важна. Но и вера здесь нужна, и покаяние. Конечно же, невозможно освободиться от такого морока как посредственность без покаяния. Это все-таки маленький бес, мелкий, но очень плодотворный — так бывает с мелкими существами. Без покаяния его не изгнать. Посредственность, как и всякая бесноватость, не может быть упразднена просто благими пожеланиями. Но нужно очень хорошо понимать, с каким бесом нам нужно бороться в себе и вокруг себя, потому что бесов много разных, и лучше хорошо знать, с кем ты борешься, иначе можно проиграть. И здесь надежда, и вера, и покаяние, наверное, нужны больше всего. Они больше всего говорят о том, что и как надо делать сейчас. Мы разучились говорить об этих вещах так, чтобы нас могли слушать всерьез. Духовные слова стерлись в их глубинном значении, и надо находить какие-то новые формы и формулы, но главное, действительно, быть внутренне совершенно честным и уверенным в том, что говоришь и делаешь, и тогда, может быть, тебя кто-то услышит и действительно примет то, к чему ты призываешь.

СОБОРНОСТЬ ИЛИ КОРПОРАТИВНОСТЬ?

В этом году одного из наших постоянных авторов, исповедника веры протоиерея Павла Адельгейма, пригласили на Рождественские чтения. В секции «Церковь и культура» его доклад был поставлен в программе первым, сразу после вступительного слова В.М. Гуминского. Но архиепископ Псковский и Великолукский Евсей не дал своего разрешения на поездку о. Павла в Москву, и доклад так и не был прочитан.

Сегодня мы публикуем одну из глав этого доклада, посвященного подробно рассмотрению догматического определения Церкви, а также его заключение. Надеемся, что со временем доклад будет опубликован полностью.

ОРГАН СОБОРНОСТИ И ЕДИНСТВА

Евхаристическое собрание на все времена остаётся семенем соборности и единства, которое прорастает и приносит плоды. Своё эмпирическое осуществление соборность находит в особом органе, выражающем это свойство. На греческом языке его называют «синодом», а на русском языке «собором». Церковные соборы, имевшие место в истории древней Церкви, позднее получили названия «Вселенских» и «Поместных». В допетровской Руси церковные соборы собирали для рассмотрения церковных проблем: богослужебных текстов, обрядовых споров, преодоления ересей. Церковные соборы на Руси не следует смешивать с её Земскими соборами.

«Архиерейские» соборы учреждены в России после Второй мировой войны. С формальной стороны церковные соборы различаются эпохой и составом. Название «Архиерейский» говорит само за себя. В этом соборе могут участвовать только архиереи. Одни считают это недостатком, а другие — достоинством Архиерейского собора. В клерикальной экклезиологии, где единство церкви определяется единством епископата, Архиерейский собор выражает принцип церковного единства. Соборность Церкви может выразить только церковный собор, в котором принимает участие иерархическая полнота: епископы, клирики, иноки и лаики. Рецепция соборных решений выпала из церковной традиции в связи с централизованным назначением епископов, в котором не участвуют клирики и лаики епархии.

В древней Церкви епископ был представителем своей Церкви на соборах. Он говорил о церковных проблемах от её имени. Его суждение не было частным мнением. Он доносил до отцов собора голос своей общины. Традиция изменилась до противоположной, ограничив собор репрезентативным правом.

В новой традиции епископ представляет власть Патриарха и Священного Синода в своей епархии. Он уезжает на церковный собор без епархиального обсуждения. Обсудив со всеми епископами страны церковные проблемы, он привозит в свою епархию принятые решения. Соборные решения не подлежат обсуждению на епархиальном уровне. В посягательстве на их обсуждение церковная власть усматривает неповиновение начальству.

Техническое название *сυνодος* впервые применил Евсевий Кесарийский в связи с «пасхальными спорами». Собор собирается не для того, чтобы «договориться», а чтобы выразить волю Божию. Этой предпосылкой церковная традиция обосновывает оценку состава и церковности собора.

Соборы 1-2 века совпадали по форме с церковным собранием общины. Совпадение нарушилось, когда очертания конкретных общин потеряли кафолический рельеф, вписавшись во вселенскую юрисдикцию. Церковная община оказалась неправомочна обсуждать догматы. Кафолические вопросы обсуждала вселенская церковь, в которой полноту власти получили епископы. Церковное сознание продолжало видеть в соборах собрание Церкви, а не только епископов. Для свят. Киприана епископское собрание без пресвитериума и народа не было церковным, ибо не только «церковь в епископе, но и епископ в церкви». Собрание епископов происходило вместе со всей общиной, в которой происходило их совещание. Собором стало церковное собрание конкретной общины, усиленное приглашением епископов из других общин. Такой состав подтверждают свидетельства свят. Дионисия Александрийского, еп. Фирмилиана Кесарийского и термин *сυνодος των αδελφων* (собрание братьев), что означает «всех членов церкви».

Позднее понятие «синод» трансформировалось. Греческим словом «синод» в настоящее время обозначается административный орган РПЦ из 7-10 архиереев, постоянно действующий при патриархе. Архиерейский собор можно рассматривать как расширенный орган исполнительной власти, периодически собирающийся для решения текущих вопросов церковной практики. Разумеется, если рассматривать собор как расширенное заседание Синода, в нём не зачем участвовать клирикам и мирянам. Если за Истину мы принимаем доктрину, предписанную иерархией, нет нужды собирать мирян и клириков для её обсуждения. Указы Святейшего Патриарха или епар-

хиального епископа мы не обсуждаем. Мы подчиняемся этим Указам. В таком случае прав епископ Марк (Головков): «заседания Архиерейского Собора носят закрытый характер. Итоговые документы и постановления Собора будут опубликованы». Такой взгляд обесценивает внутреннюю достоверность истины. Хранителем истины всегда признавалась полнота Тела Христова, а не часть. Предание, выражающее веру церковной полноты, нельзя заменить механическим подчинением церковной дисциплине.

Если между епископами и народом отношения формальные, обсуждение невозможно: уровень разный. Собор обращается в орган представительной власти. Мы подчиняемся власти не потому, что её авторитет является гарантией Истины, а потому, что он является гарантией порядка. Собор превращает-

Митрополит Суздальский Антоний. Епархиальный съезд. Эффингам, май 1985

ся в структуру административной власти, состав которой она сама определяет своим Уставом. Собор, всегда понимавшийся Церковью в качестве органа познания божественной истины, не следует ограничивать репрезентативным правом.

Все церковные собрания имеют евхаристическую природу и различаются только кругом рассматриваемых вопросов. Поэтому собор можно рассматривать как выражение взаимной любви церковных общин. Союзом любви связана вся церковь. Евхаристия одних епископов без клира и народа невозможна. *Кафолическу* выражает тайну собрания — *μυστηριον της συναξеως* — «Идеже бо еста два или трие собрании во имя Мое, ту есмь посреде их». Вопрос не в том, следует ли подчиняться Истине. Вопрос — как определить Истину? Является ли Истиной решение патриарха и Архиерейского собора в силу их иерархического авторитета? В качестве представительного органа такой собор выражает формальное единство церкви. Соборность церкви может выразить только Церковный собор, в котором представлены все степени иерархического уклада церкви. Соборность не демократия. Демократия стремится осуществить максимум справедливости в обществе, ищем свободы и равноправия. Соборность выражает истину и любовь свободных личностей, сознающих своё единство в церкви и ожидающих откровения Святого Духа.

«Соборность нередко смешивают с апостольством Церкви, рассматривая универсальность учения в качестве иерархического предписания. Тогда истина теряет силу внутренней достоверности, и Предание, охраняемое каждым, заменяется подчинением внешнему принципу. Соборная истина, хранимая всеми, обладает внутренней достоверностью, большей или меньшей для каждого, в той мере, в какой он действительно является членом Церкви».

В истории церкви собор не всегда выражал истину. Как отражается состав собора на принятых решениях? Административный орган, как правило, находится в зависимости от политических интересов и общественного мнения. Национальная, социальная или профессиональная среда могут оказывать под влиянием корпоративных интересов. Возникает сомнение: что выражает Архиерейский собор? Вселенскую Истину или корпоративные интересы иерархов?

Условия, при которых Истина открывается Церкви, являются проблемой, порождающей споры о составе собора.

1. Или Истина открывается всей полноте Церкви Духом Святым через кого Он благоволит. Так были приняты решения Апостольского Собора. «Апостолы и пресвитеры со всею церковью рассудили...». Соборность выражает не численность собравшихся, а участие Святого Духа в собрании как способ познания божественной истины и способность Церкви внимать ей. Качество Истины и способ её познания обозначены заключением Апостольского собора: «изволися Духу Святому и нам».

2. Или Истину в Церкви выражает консенсус архиереев, которые собираются на Архиерейский Собор. «Архиерейские Соборы являются как раз той нормой церковной жизни, которая существует неизменно на протяжении уже двух тысячелетий» — считает еп. Марк (Головков).

В. Лосский называет соборность «качеством богооткровенной истины, дарованной Церкви. Можно сказать ещё точнее: это свойственный Церкви способ познания истины, благодаря которому истина становится достоверной для всей Церкви, — и для Церкви в целом, и для каждой из её малейших частиц. Потому обязанность защищать истину лежит на каждом члене Церкви, как на епископе, так и на мирянине, хотя епископы ответственны за неё в первую очередь в силу принадлежащей им власти».

ВЫ!

Мы жаждем и надежды лишены.
Данте

В Церкви невозможен ни бунт, ни переворот. Снизу ничего изменить нельзя. Сверху тоже ничего не изменится, поскольку РПЦ отказалась от контролирующей власти, принятой Поместным собором 1917-18 гг. Что делать, если епископ не отвечает качествам, которые апостол считает необходимыми?

В сером подряснике с кожаным поясом, владыка Антоний (Блум) выглядел стройным и подвижным, несмотря на свои 80 лет. Гостям из России он никогда не отказывал в приёме. Мы беседовали в Лондонском соборе, приобретённом у англиканской общины и оборудованном под православный храм. Меня интересовал вопрос, как осуществить соборность в епархии, где имеется только один значащий голос — правящего архиерея. Я задал этот вопрос Владыке. Он ответил:

— Климат в епархии, конечно, зависит от архиерея и его установки. Епископа надо слушать. Иногда епископ тоже бывает прав.

— Святитель Киприан пишет, что никогда не принимал ответственных решений без своего пресвитериума. Он считал необходимым советоваться с клиром.

Устав РПЦ учредил органы, состоящие из клириков и мирян для содействия епископу в управлении епархией. На практике эти органы не влияют на епархиальную жизнь.

— Епископ должен хранить традиции и прислушиваться к голосу клира и мирян. Однажды ко мне подошла прихожанка и сказала: «Владыка, перестаньте говорить проповеди. Они надоели. Вы повторяетесь, как заезженная пластинка». Задумавшись над её словами, я замолчал. Двухлетнее молчание оказалось полезным. Произошла переоценка. Я заговорил по-новому. К прихожанам следует прислушиваться, они тоже бывают правы.

Я сказал:

— В России нельзя представить себе подобный разговор. Такая простота отношений кажется нам невероятной. А как быть, если епископ не прислушивается?

Владыка подумал и вдруг озадачил меня:

— А своего епископа надо воспитывать.

— ? !!!

Беседа состоялась летом в 2000 году, когда атаки епископа поставили меня на краю пропасти. Он лишил меня двух храмов, под ударом были инвалидный приют и школа регентов, свечное производство, которое нас кормило. Со дня на день я ожидал беспричинного запрещения, обычного в епархиальной практике...

Сперва ответ владыки Антония показался мне неосуществимым. Позднее я осознал правду его слов. «Воспитание» означает общение и ответственность. Мать воспитывает своё дитя, но вчерашняя девушка осознаёт себя матерью, только родив ребёнка. Год назад она бы убежала от зарывавшей собаки. Теперь она не убежит. Она думает не о себе. Она будет защищать дитя от опасности. Воспитание не следует понимать как формальную власть, но как общение и любовь, необходимые обеим сторонам. Мы говорим «мать воспитывает ребёнка». Ребёнок воспитывает мать в не меньшей мере. Воспитание не бывает односторонним. К сожалению, в отличие от общения с епископом, где отсутствует обратная связь. И всё же, капля долбит камень.

Не обольщайтесь надеждой на убедительность моих слов. Облечённая в слова, Истина сама устроит свою судьбу. Ничего нового я не сказал. Лишь напомнил о вере, которую всегда содержала Церковь. Надеюсь, что своим свидетельством исполняю служение, к которому призван слугитель Слова.

Свящ. Павел АДЕЛЬГЕЙМ

У НАС ЕСТЬ, ЧТО СКАЗАТЬ ДРУГ ДРУГУ

Полгода назад, на Преображенской встрече Содружества, мы много говорили о работе с детьми и молодежью. Это дало, на мой взгляд, хороший импульс для самых разных встреч и разговоров, посвященных проблемам семьи, брака, отношениям родителей и детей — на моей памяти ничего подобного не было за все годы существования нашего движения. Правда, это не всем известно, потому что часто эти разговоры шли не в самом широком составе.

Мы говорили прежде всего о недостатках детской работы, о том, что нас не устраивает. Понятно, что о положительных вещах не нужно говорить — они и так всем известны и всем видны. Мы должны благодарить Бога за то, что детская и молодежная работа ведется в нашем содружестве более пятнадцати лет: сколько существует Содружество, столько существует и эта работа. И она всегда была довольно массовой. В ней участвовало много детей, много молодежи, при этом применялись, писались или хотя бы продумывались самые разные методики. Но сейчас настало время, когда нужно заново подвести итоги для того, чтобы делать шаги, соответствующие нашей дальнейшей жизни. Надо найти новые формы жизни детей и молодежи в братствах, в церкви, потому что в этой области есть очень тревожные симптомы. Теперь, когда, действительно, прошло много лет, можно подводить итоги, можно увидеть, где были случайные промахи или какие-то факты, события, связанные просто с особенностями характеров детей, молодежи, родителей, так или иначе случайные вещи, а где — закономерные вещи, которые себя репродуцируют, повторяют, распространяют и т.д.

В любом случае слава Богу, что все эти годы была эта работа, это детско-молодежное служение, и очень многие дети и много молодых людей так или иначе, больше или меньше соприкоснулись с этим движением и с этой работой. И хотя результаты были разные, но все равно тем людям, которые работали на этом поприще, нужно сказать спасибо, потому что они это делали всегда искренне и всегда бескорыстно и я хотел бы, чтобы мы этого никогда не забывали. Я хотел бы, чтобы мы ни в коем случае никого — даже если кто-то вступает с кем-то в противоречия — не заподозрили в том, что он что-то делает корыстно или недобросовестно, спуская рукава и проч. По моему глубочайшему убеждению, все трудятся не просто бескорыстно, но и очень искренне и очень самоотверженно, вкладывая в это свою душу. Другое дело, что это никого не гарантирует от ошибок, это всем понятно. Можно всю душу вкладывать в дело, но где-то ошибаться, делать что-то не совсем так, как надо. Но в любом случае все старались, и это приводило к каким-то результатам. В любом направлении, в любом движении, в любом отряде, в любой поездке всегда было что-то хорошее, даже в тех вещах, которые, может быть, нам показались наименее удачными. Это можно совершенно однозначно констатировать. Это касается и детей, и молодежи.

Так что у нас есть большой опыт, у нас есть, что сказать друг другу. Мы можем быть достаточно откровенны друг перед другом, зная, что наши проти-

воречия, какими бы они ни были, никогда не будут разрушительными.

Ошибок было много всегда. Но что делать? Что такое церковная педагогика, толком никто не знал и не знает. Что такое светская педагогика? Здесь тоже есть разные точки зрения. Хотя это давно существующая вещь, но тоже неоднозначная. Скаутинг, с одной стороны, очень хорош своей традиционностью и тем, что он долго существовал, пусть и за границей, и был традиционным, преемственным методом, в нем было много устоявшихся, зарекомендовавших себя форм. Но жизнь наша сильно изменилась за последнее столетие, какие-то вещи явно устарели, другие очень ослабли. Две доминанты скаутинга, которые, собственно, его и породили — религиозное и патриотическое воспитание — к сожалению, часто выдыхались, иногда почти полностью исчезая с горизонта скаутской работы. Оставалась больше социальная работа, полезная для детей и их психологии, для их адаптации в обществе, для того, чтобы они просто могли общаться, снимая свои детские, подростковые или молодежные комплексы. Но совершенно ясно, что мы не можем быть удовлетворены одной лишь социальной работой. Здесь есть довольно серьезные вопросы, на которые до сих пор ясных и полноценных ответов не дано.

Раньше я придерживался одной позиции: пусть растут все цветы. Пусть каждый делает то, что он считает нужным и что он может. У нас были труд-

ные времена: не до жиру, быть бы живу. Было ясно, что я не могу входить в тонкости жизни каждого отряда, каждого преподавателя, каждой программы, каждого лагеря и т.д. Мне это было ясно с самого начала гонений на наше движение, с конца 1993 года. До этого я очень активно участвовал в детско-молодежной работе. Потом я стал больше участвовать в этом просто как духовный попечитель всего Содружества, и поэтому входил или только в конфликтные, трудные ситуации или в наиболее важные моменты этой жизни, в том числе и концептуальные. Все остальное руководители делали сами, часто даже не беря благословения, но и не отчитываясь ни за что, иногда не очень понимая, как отвечать за результаты своей деятельности, особенно если были какие-то неудачи. Всяко было, но другого выхода у нас не было, у нас не было альтернатив.

Сначала все детские и молодежные группы были просто при Преображенском братстве и при храме (сначала — Владимирском соборе, потом — храме Успения в Печатниках), что было важно. По известным причинам, о которых я только что сказал, это стало невозможно и произошло некоторое запараллеливание, «отслоение» детско-молодежной работы, формирование отчасти параллельной структуры, которая очень быстро стала самодостаточной и соответствующим образом строила свои программы, подбирала свои кадры и т.д. Это были не совсем светские, но и не очень церковные формы жизни.

У нас есть и еще одна проблема, дополнительная ко всему тому, что я сказал. Это очень большая привязка и результатов деятельности, и самой деятельности — и методики, и настроения, и общего духа — к персональным чертам характера руководителей. А так как у всякого человека есть не только плюсы, но и минусы, шел очень сильный перенос не только положительных, но и отрицательных черт руководителей на подопечные группы. Может быть, это было связано с тем, что дети очень восприимчивы. Думаю, отчасти это недоработка самих руководителей: они мало сделали для того, чтобы уменьшить эти негативные влияния, может быть, недооценивая отрицательные черты своего характера, обстоятельств своей жизни и проч.

Так вот, нам нужно найти такие концептуальные положения, придерживаясь которых, мы могли бы быть уверены, что хотя бы снизится риск тех отрицательных вещей, о которых мы и прежде говорили и сегодня говорим, а положительная сторона при этом не пострадает. Сейчас во многих малых братствах есть детско-юношеские центры. Теперь их нужно вооружить какими-то рекомендациями, надо согласовывать их деятельность, для этого и нужна концепция. Давайте обсудим эту концепцию, под которую уже будут подбираться организационные формы — и преемственные, имевшиеся до того, и новые. Нам должно стать ясно, что нужно менять, что уже не стоит поддерживать, потому что оно выработало свой ресурс, а что нужно, наоборот, поддерживать, развивать и укреплять.

Свящ. Георгий КОЧЕТКОВ

ХРИСТИАНСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ — ЭТО ФАКТИЧЕСКИ ИХ ВОЦЕРКОВЛЕНИЕ

Мне кажется принципиально важным то, что христианское воспитание детей — это фактически их воцерковление. Из этого вытекает много следствий. Ведь, можно признать, логика возрастания в вере во всяком возрасте универсальна, хотя в детском и молодежном возрасте имеет свои особенности. Поэтому воспитание детей, как любой процесс воцерковления, предполагает соблюдение принципов, которые мы, слава Богу, уже осознали — и личности, и церковности, и целостности, и последовательности. Само понимание того, что такое воцерковление, здесь уже очень многое проясняет.

Что еще мне кажется очень важным — то, что воцерковление всегда есть плод вдохновения, и поэтому всякий, кто касается воспитания детей, должен быть сам вдохновлен. Это должен быть тот, кто исполнен Духом и способен передавать жизнь. По своему статусу такой человек должен быть приравнен к катехизатору.

Я думаю, что при таком взгляде на воспитание детей остается вопрос, на который нам предстоит ответить — это наши дети и наше призвание. Дети, которые рождены у нас — какое они имеют призвание? Понятно, что здесь есть свои параллели. В Ветхом Завете считалось, что если дети рождены в народе Божьем, то они принадлежат к нему самим фактом рождения. А у нас как? Имеет ли наше призвание тот, кто родился в наших семьях? Есть еще одна проблема, о которой, в связи с этим, нельзя не сказать: если родители не могут быть ходатаями, помощниками в воцерковлении детей, то воцерковление оказывается под вопросом. Если родители нецерковны или расцерковились, нужно ждать сознательного возраста детей, чтобы помочь им в их сознательном выборе.

Владимир ЯКУНЦЕВ

ГЛАВНОЕ – ОСВОБОДИТЬСЯ ОТ «ПАРАЛЛЕЛЬНОСТИ» ЖИЗНИ ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ

Та перемена в отношении к проблемам воспитания детей, которая идет в малых братствах Преображенского содружества, требует и перемены самих братств. Добиваясь неформальности, т.е. заинтересованной ответственности, всех членов братства за детей, мы приходим к тому, что образом малого братства становится большая духовная семья. В большой полной семье есть место не только людям среднего возраста, которые все могут, но есть место и детям, есть место и немощным, и пожилым. Мне кажется, что как раз т.н. детский вопрос может оздоровить жизнь наших братств. Мы можем из этой проблемы выйти с большим существенным плюсом. Наши братства называются неформальными, но на самом деле формализма в нас еще очень много, он внутренний, он привнесен из прежней жизни. Я понимаю, что невозможно ставить задачу, чтобы братства превратились в островки Царства Небесного. Но мне кажется, та динамика, та интенсивность жизни, которая сейчас есть в движении, подводит к тому, что людям, которые в принципе хотят зарезервировать отчужденное отношение ко всему, что происходит в братстве, будет оставаться в братстве все труднее. И это будет ставить вопрос о каком-то пересмотре и своих отношений с братством и с той жизнью, которая в нем есть.

Таким образом, я вижу, что братство превращается постепенно в духовную семью, которая живет постольку, поскольку имеет общие для всех призвание, харизму, путь. Поэтому в области детской и молодежной работы задача в том, чтобы вовлечь детей и молодежь в этот путь. Конечно, это не решает всех вопросов, связанных с христианским воспитанием. Все равно у каждого ребенка будет переходный возраст, будет смена детской веры на взрослую – все это будет, но главное, что мы освободимся от параллельности жизни взрослых и детей. Весь прошлый год у нас ушел не на решение этой проблемы – мы еще не решили эту проблему – а на то, чтобы поставить эту проблему и объяснить, что она касается не только родителей. Многие говорили: «Я не понимаю, зачем это. У меня дети уже выросли». И тем самым люди говорили, что они не хотят брать ответственность за эту область жизни братства. И мы об этом очень много спорили.

Если говорить о цели, то для меня образом сопричастности во взаимоотношениях детей и взрослых в такой духовной семье может быть литургия. Мы идем на литургию и ведем с собой детей. Взрослые и дети вместе причащаются одним причастием. Детям не дается какое-то «адаптированное» причастие. Конечно, это переживается, осмысливается по-разному. Потом уже может ставиться вопрос, насколько детям непонятно, что происходит, насколько нужно объяснять, как-то учитывать их психологию, их личные особенности. Но все-таки мы вместе собираемся «на одно и то же».

И тот опыт детской работы, который был накоплен за 15 лет, при тех изменениях, о которых я говорю, не пропадет, но «пойдет в переплавку». Ничего не пропадет, все воскреснет.

свят. Иоанн ПРИВАЛОВ

ЛИТУРГИКА И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

Рецензия на книгу Анатолия Жураковского «Литургический канон теперь и прежде» в №38 «Кифы» заканчивалась мыслью о том, что книга писалась в преддверии встречи и взаимного узнавания Востока и Запада, в том числе и в их литургических поисках. Тема вдруг обрела до удивления естественное продолжение в еще одной православной книжной новинке. Это публикация магистерской диссертации «Литургическое возрождение в XX веке. История и богословские идеи литургического движения в Католической Церкви и их взаимоотношение с литургической жизнью Православной Церкви», защищенной на богословском факультете Сербской Православной Церкви. Автор – священник, ученый, преподаватель, редактор ряда богословских журналов Владимир Вукашинович. Выход книги в свет явился плодом совместного труда католиков и православных: книга издана итальянским фондом «Христианская Россия», научный редактор публикации – прот. Николай Балашов.

Во введении автор предвосхищает возможный вопрос православного читателя: зачем привлекать столько внимания к явлению, которое непосредственно не касается жизни нашей церкви и ее внутренних проблем? И дает ответ, отмечая очевидное сходство предпосылок, идей, установок и действий, имеющих место в области литургической жизни католиков и православных (пусть даже это сходство и неизбежно неполное), а значит – и ценность опыта другой традиции, при условии его критического осмысления: «Было бы ошибкой игнорировать это великое явление в истории западного христианства. Оно, конечно, не является абсолютным образцом для нас; его результаты не могут всех обязывать. Но, опираясь на них, можно многому научиться».

Евхаристия, литургия – ключевые понятия для всего богословия и Православной, и Католической церкви. Нынешнее время отмечено не только простым повышением интереса к литургической проблематике, но и ее тесной взаимосвязью со всем богословием церкви: экклезиологией, антропологией, проблемами миссии. И на Востоке, и на Западе налицо тенденция преодоления отвлеченности богословия («мышления ради мышления») и схоластической раздробленности его «разделов». Восстанавливается истинное назначение

богословия – служить Церкви. Эта общность устремлений многих православных и католиков и обуславливает живой интерес многих православных к тому, что происходило и происходит на Западе, равно как и католиков – к происходящему на Востоке. Собственно, и сами христианский Восток и Запад сближаются и взаимопроникают, преодолевая порой значительное историческое отчуждение, при этом и узнавая друг друга, а заодно и самих себя, и не являясь уже более ни географическими, ни этнокультурными понятиями.

Все это обуславливает появление заинтересованных исследований иной традиции, одним из которых является работа о.Владимира Вукашиновича. Примечательно, что он является как раз представителем народа, живущего на территории с исторически очень непростыми взаимоотношениями католичества и православия. Можно с уверенностью сказать, что его магистерская диссертация будет интересна отнюдь не одним специалистам в области литургии, но, пожалуй, любому человеку, задумывающемуся о значении Евхаристии в христианской жизни. Одновременно она предоставляет крайне ценный – как в смысле подхода, так и в области фактов – материал для специалистов в области литургии и студентов, изучающих эту дисциплину.

Представляется, что публикация работы – событие и в области диалога двух конфессий. Межконфессиональная полемика до сих пор нередко страдает тем, что спор ведется не с реальным, меняющимся с течением жизни оппонентом, а с неким его статичным образом, состоящим из набора некогда сформулированных недостатков. При таком подходе католик в глазах православного – во веки веков клерикалист и несмысленно поклоняется Святым дарам, а православный в глазах католика – неисправимый националист и обрядовер. Для любителей подобной полемики в книге припасено много неожиданного. Как бы, скажем, они отреагировали на приведенное в ней мнение известного католического автора Р.Тафта о том, что эпиклеза являлась в древности молитвой «освящения церковной общины, а не ее сакраментального знака – святого причастия»? Конечно, ни один пример не в состоянии снять проблему, но в состоянии опровергнуть штамп. Непредвзятый и честный взгляд автора, порой считающего нужным и покритиковать со своих православных позиций католическую литургическую науку и практику, но радуясь случаю, когда католики оказываются в своих мнениях не менее православными, чем православные, способно поколебать старые штампы. Спор же и взаимная критика, если только они ведутся в атмосфере приведенных о.Владимиром слов митр. Иоанна (Зизюласа) о том, что ни одна традиция не может сказать другим «Вы мне не нужны», могут лишь приблизить к истине.

Дмитрий МАТВЕЕВ

О ПОСРЕДСТВЕННОСТИ И НЕПОСРЕДСТВЕННОСТИ

Небольшая брошюра, изданная в начале этого года в Архангельске, делает возможным для читателей пережить еще одно явление возрождения забытой в наши дни формы общения и совместного размышления: публичной лекции. «Это форма почтенная. Достаточно вспомнить публичные лекции Владимира Соловьева, которые так много значили для дореволюционной русской мысли, вспомнить – в наши 70-е – публичные лекции наших гуманитариев: С.С. Аверинцева, Ю.М. Лотмана, М.К. Мамардашвили и многих других. Это была в своем роде школа для взрослых – и гражданская школа, в том числе» – так говорит об этом жанре автор лекции «Посредственность как социальная опасность» О.А. Седакова.

Сборник включает в себя не только запись беседы, состоявшейся в ноябре 2005 г. в Архангельской областной научной библиотеке, но и отклики слушателей, продолжавших переживать эту встречу и через несколько дней, и через несколько недель.

Тема, выбранная автором – «одна из самых опас-

ных тем» – касается широко использованной тоталитарными обществами мифологемы «маленького человека», которого «не нужно нагружать ничем слишком сложным». Подчеркивая, что этот мифический «простой человек» не имеет ничего общего с действительно простыми людьми, О.А.Седакова соотносит слово «посредственность» со словом «непосредственность» – и тем самым помогает слушателям увидеть в нем «опосредованное», не прямое, не простое, не «первое», не совсем «настоящее».

Мысль автора удачно подчеркивает иллюстрация на обложке (для нее использована работа Рембрандта «Иосиф рассказывает братьям свои сновидения»)

Дорогие читатели!

Подписаться на газету «Кифа» можно в редакции.
Тел. для справок 8-916-114-67-37 (Ольга Орлова)

Нашу газету можно приобрести:

В Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д.29, оф.38); в центре религиозной литературы ВГБИЛ им. Рудомино (ул. Ни-

коляевская, д.6); в книжном киоске первого гумфака МГУ; в Санкт-Петербурге: в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, 9); в Париже: в магазине «УМСА-Press» (11, Rue de la Montagne Ste Genevieve).

Телефоны распространителей:

Москва: (095) 314-2596 (Александра Ошарина), 131-4769 (Ольга Филиппова), 210-7006 (Ольга Орлова), 158-9116 (Валерия Волкова), 342-6306 (Марина Чиркова)

Санкт-Петербург: 8-921-755-9926 (Анастасия Наконечная); **Тверь:** 8-082-250-2308 (Олег Ермолаев); **Архангельск:** 8-921-299-4978 (Андрей Подоров); **Северодвинск:** 8-921-299-7687 (Нина Портнова)

Редакторы:

Александр Буров (СПб)
Александра Колымагина
(Москва)

Над номером работали:

Владимир Лидский
Дмитрий Матвеев
Александра Ошарина
Анастасия Наконечная
Елена Шевелева

Иллюстратор: Татьяна Аразян

Дизайн: Андрей Мареев
Верстка: Татьяна Тыртыш
Анна Лепехина

Тел./факс: (095) 923-03-80

e-mail: kifa@list.ru
Тираж 1300 экз.

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-14924 от 26 марта 2003 г.